

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
17 January 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Решение, принятое Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом относительно сообщения № 2726/2016* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	А. П. (представлена адвокатом Лейлой Рамазановой)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	С. П.
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	5 января 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 12 февраля 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	29 октября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; эффективное расследование
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость <i>ratione temporis</i>
<i>Вопросы существа:</i>	жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание
<i>Статьи Пакта:</i>	пункт 1 статьи 6 и статья 7, рассматриваемые отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, статьей 9, пунктом 1 статьи 10, пунктами 1 и 2 статьи 14 и статьей 26
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	1

* Принято Комитетом на его 133-й сессии (11 октября — 5 ноября 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Сюити Фуруя, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В. Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентриан Зюбери.

*** К настоящему решению прилагается текст совместного (несогласного) мнения членов Комитета Арифа Балкана, Марсии В. Дж. Кран и Элен Тигруджа.

1. Автор сообщения является А. П., гражданка Казахстана 1964 года рождения, мать С. П. (умершего). Она утверждает, что государство-участник нарушило права ее сына, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 и статьей 7, рассматриваемыми отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, статьей 9, пунктом 1 статьи 10, пунктами 1 и 2 статьи 14 и статьей 26 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 30 сентября 2009 года. Автор представлена адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Сын автора 25 апреля 2004 года примерно в 6 часов утра был арестован сотрудниками полиции, которые хотели проверить его личность. В тот же день в 11 ч 15 мин он был госпитализирован в отделение неотложной помощи в больнице в сопровождении сотрудников полиции. Г-н П. был осмотрен и ему был поставлен диагноз «травма головы, гематомы на лбу». Анализ его крови не выявил каких-либо признаков алкогольного опьянения.

2.2 Сыну автора 28 апреля 2004 года было предъявлено обвинение в «причинении тяжких телесных повреждений» по пункту 1 статьи 103 Уголовного кодекса Казахстана. Г-н П. 24 мая 2004 года подал заявление о пытках в милицию и прокуратуру Алмалинского района. Он утверждал, что сразу после задержания его ударили по голове. Адвокат г-на П. 23 июня 2005 года подал аналогичную жалобу.

2.3 Поскольку ранее г-ну П. был поставлен диагноз «шизофрения», следователь 18 мая 2005 года назначил ему психиатрическое освидетельствование. Освидетельствование показало, что в момент совершения предполагаемого преступления сын автора страдал острым психическим расстройством.

2.4 Следователь 6 июня 2005 года обратился в суд с ходатайством о назначении г-ну П. принудительного медицинского лечения в изоляторе психиатрической клиники. На закрытом заседании 27 июля 2005 года Алмалинский районный суд удовлетворил это ходатайство. Суд освободил сына автора от уголовной ответственности и постановил направить его на принудительное лечение в изолятор психиатрической клиники. Алмалинский городской суд 1 сентября 2005 года оставил это решение в силе. Талгарский районный суд 8 мая 2007 года постановил продолжить лечение сына автора, отметив, что в случае освобождения г-н П. может представлять опасность для себя и окружающих.

2.5 Г-н П. умер 24 сентября 2007 года, находясь в помещении изолятора психиатрической клиники. В свидетельстве о смерти в качестве причины смерти указаны «тромбоэмболия легочной артерии и инфаркт миокарда». Автор обратилась в больницу с просьбой предоставить ей историю болезни ее сына до его смерти, а также результаты вскрытия, однако в этой просьбе ей было отказано.

2.6 По просьбе автора 31 июля 2009 года Талгарский районный суд вынес постановление об эксгумации тела г-на П. Несмотря на это постановление, эксгумация тогда не была проведена. Тело было эксгумировано лишь 15 января 2013 года, после многочисленных решений о возобновлении и о закрытии расследования точных обстоятельств смерти г-на П. В результате эксгумации причину смерти г-на П. не удалось установить из-за значительного времени, истекшего с момента его смерти.

2.7 Автор утверждает, что до и после смерти г-на П. она и ее адвокат, действуя от ее имени и от имени ее сына, подали многочисленные жалобы в прокуратуру и суды. Ни одна из этих жалоб не была рассмотрена, и меры по ним не были приняты. Автор, таким образом, утверждает, что она исчерпала все имевшиеся в ее распоряжении внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ее сын подвергся жестокому обращению после ареста, ему не были обеспечены безопасные условия содержания в изоляторе психиатрической клиники и его произвольно лишили жизни в нарушение пункта 1 статьи 6 и статьи 7 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2.

3.2 Автор утверждает, что условия содержания ее сына в изоляторе психиатрической клиники были равносильны нарушению пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.3 Автор также утверждает, что национальные суды в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14 и статьи 26 Пакта не рассмотрели обстоятельств уголовного дела, а предпочли отправить сына автора на принудительное лечение без рассмотрения вопроса о его виновности.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В вербальной ноте от 29 марта 2016 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости настоящего сообщения.

4.2 Государство-участник настаивает на неприемлемости сообщения по обстоятельствам времени (*ratione temporis*) в целом. Государство-участник отмечает, что ни г-н П., ни его адвокат не подавали никаких жалоб на жестокое обращение в ходе уголовного разбирательства в национальных судах. Государство-участник утверждает также, что документы, касающиеся уголовного судопроизводства в отношении г-на П., были уничтожены по истечении установленного законом трехлетнего срока хранения.

4.3 Государство-участник указывает далее, что посмертное патологоанатомическое обследование сына автора от 23 октября 2007 года не выявило никаких признаков неестественной смерти. Причиной смерти были указаны «тромбоэмболия легочной артерии, острый инфаркт миокарда». В период с 2008 по 2013 год было проведено несколько расследований и судебных-медицинских экспертиз по жалобам автора на якобы ненадлежащее медицинское обслуживание ее сына. В медицинском заключении от 11 марта 2013 года невозможно было установить точную причину смерти по истечении значительного времени. В нем, тем не менее, подтверждено отсутствие телесных повреждений, алкоголя или наркотиков в теле умершего. Национальные власти 17 апреля 2013 года отказались возбудить уголовное расследование по факту смерти г-на П. Это решение было оставлено в силе постановлениями национальных судов от 24 июня и 12 июля 2013 года. Государство отмечает, что предварительное расследование предполагаемого жестокого обращения с г-ном П. было начато 18 марта 2016 года. Оно также утверждает, что автор и ее адвокат были проинформированы о том, что они могут получить доступ к медицинской карте г-на П. и изучить ее.

4.4 Государство-участник делает вывод о том, что сообщение автора является неприемлемым по статье 3 Пакта и пунктам d) и f) правила 99 правил процедуры Комитета.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 Автор представила свои комментарии по замечаниям государства-участника в отношении приемлемости сообщения 31 января 2017 года.

5.2 Автор утверждает, что сообщение является приемлемым *ratione temporis*, поскольку последнее решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти г-на П. было вынесено 17 апреля 2013 года. Автор отмечает, что предполагаемые нарушения Пакта носят длящийся характер и их последствия продолжались более четырех лет после ратификации государством-участником Факультативного протокола.

5.3 Автор подтверждает, что адвокат ее сына подал жалобы на жестокое обращение в национальные органы власти. Она также настаивает на том, что государство-участник не может опровергнуть ее утверждения о жестоком обращении, поскольку тело ее сына было эксгумировано через семь лет после его смерти, а материалы его уголовного дела были уничтожены.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 7 июля 2017 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа настоящего сообщения.

Государство-участник подтверждает факты по этому делу и свою позицию относительно неприемлемости *ratione temporis* этого сообщения.

6.2 Государство-участник отмечает далее, что 27 июля 2005 года Алмалинский районный суд надлежащим образом рассмотрел обвинения, выдвинутые против сына автора. Суд установил, что 25 апреля 2005 года г-н П. напал на группу лиц и тяжело ранил одного из них ножом.

6.3 Государство-участник оспаривает утверждение автора о том, что г-н П. подал жалобу на жестокое обращение 24 мая 2004 года. Соответствующие национальные органы не располагают подтвержденными сведениями о подобной жалобе или о каких-либо соответствующих решениях. Журналы входящей корреспонденции за 2004 и 2005 годы уничтожены. Прокуратура Алматинской области 18 марта 2016 года начала расследование по сообщению о предполагаемом жестоком обращении с г-ном П. Расследование было прекращено 18 мая 2016 года. Государство-участник отмечает, что сын автора не жаловался на жестокое обращение в ходе судебных слушаний и отказался делать какие-либо заявления. В то же время следователь, ведший дело г-на П., была допрошена судом первой инстанции. Она заявила, что г-н П. намеренно ударился головой о металлическую дверь после его ареста.

Комментарии автора к дополнительным замечаниям государства-участника

7. Автор 6 августа 2017 года представила свои комментарии к дополнительным замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения. Она подтвердила факты по этому делу и свои ранее представленные заявления. Автор, в частности, утверждала, что ее жалобы являются приемлемыми *ratione temporis*, поскольку предполагаемые нарушения носят длящийся характер.

Дополнительные замечания, представленные сторонами

Со стороны государства-участника

8. В вербальной ноте от 2 октября 2017 года государство-участник представило свою позицию относительно неприемлемости *ratione temporis* данного сообщения. Оно заявило далее, что автор не представила никаких убедительных доказательств в поддержку своих утверждений о жестоком обращении. Государство-участник отмечает, что г-ну П. было предоставлено надлежащее лечение в изоляторе психиатрической клиники и что он умер по естественным причинам. Оно также утверждает, что автор не обжаловала решение от 18 мая 2016 года о прекращении уголовного расследования по факту смерти ее сына.

Со стороны автора

9. Автор 9 августа 2018 года подтвердила свою предыдущую позицию. Она отметила, что, хотя смерть ее сына произошла до ратификации Факультативного протокола государством-участником, она активно пыталась вплоть до августа 2013 года возбудить уголовное расследование. Она также утверждает, что национальные власти намеренно затягивали патологоанатомическое обследование тела ее сына и уничтожили соответствующие документы, чтобы скрыть факт жестокого обращения с ним. В заключение автор заявляет, что решение от 18 мая 2016 года о прекращении уголовного расследования было получено ею лишь 10 июля 2017 года. Более того, она не считает необходимым обжаловать это решение, поскольку любое расследование было бы неэффективным ввиду истекшего значительного периода времени.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

10.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры принять

решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

10.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

10.3 Комитет отмечает, что предполагаемое нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14 и статьи 26 Пакта в связи с уголовным преследованием сына автора произошло до 30 сентября 2009 года, когда Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Комитет отмечает, что *ratione temporis* он лишен возможности рассматривать предполагаемые нарушения Пакта, произошедшие до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, если только эти нарушения не продолжались после этой даты либо не продолжали иметь последствия, которые сами по себе являются нарушением Пакта или подтверждением предыдущего нарушения¹. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждения автора по пунктам 1) и 2) статьи 14 и статье 26 Пакта о том, что национальные суды не рассмотрели обстоятельств уголовного дела и решили отправить сына автора на принудительное лечение, не рассмотрев вопроса о его виновности. Однако Комитет отмечает также, что эти внутренние разбирательства были завершены до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, и поэтому считает эти жалобы неприемлемыми *ratione temporis* по статье 1 Факультативного протокола.

10.4 Комитет принимает к сведению жалобы автора по пункту 1 статьи 6, статьям 7, 9 и пункту 1 статьи 10 Пакта относительно жестокого обращения с ее сыном после его ареста и ненадлежащих условий его содержания и медицинского обслуживания в изоляторе психиатрической клиники, что и привело к его смерти. Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что эти действия имели место до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника и поэтому не входят в компетенцию Комитета *ratione temporis*. Комитет вновь ссылается на свою правовую практику, согласно которой предполагаемые нарушения Пакта, произошедшие до вступления в силу Факультативного протокола для данного государства-участника, могут рассматриваться Комитетом лишь в том случае, если эти нарушения продолжают после этой даты либо продолжают иметь последствия, которые сами по себе являются нарушением Пакта². Кроме того, Комитет может рассматривать предполагаемое нарушение как длящееся по своему характеру, если имеется «подтверждение, после вступления в силу Факультативного протокола, действием или явными последствиями, предыдущих нарушений, совершенных государством-участником»³. Комитет не рассматривает отдельные акты жестокого обращения как влекущие за собой постоянные нарушения Пакта, даже если такие акты привели к длительным последствиям, выходящим за временные рамки соответствующей даты вступления в силу Пакта либо Факультативного протокола. Обращаясь к фактам настоящего дела, Комитет отмечает, что как предполагаемое жестокое обращение, так и содержание сына автора в изоляторе психиатрической клиники, где он в итоге умер в сентябре 2007 года, произошли до 30 сентября 2009 года, когда Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Соответственно, Комитет считает, что представленные автором утверждения являются неприемлемыми *ratione temporis* по статье 1 Факультативного протокола.

10.5 Наконец, Комитет принимает к сведению утверждения автора по пункту 3 статьи 2 Пакта, на которые сделана ссылка в совокупности с пунктом 1 статьи 6 и статьей 7 и которые, как он понимает, касаются длящегося характера нарушения, вытекающего из непроведения должным образом расследования предполагаемого жестокого обращения с ее сыном и его смерти. Комитет вновь заявляет, что эти события, которые могли бы представлять собой существенные нарушения пункта 1 статьи 6 и статьи 7 Пакта и в отношении которых можно было бы применить средства правовой защиты, выходят за рамки его компетенции *ratione temporis*. В то же время

¹ *М. З. против Казахстана* (CCPR/C/119/D/2145/2012), п. 11.3.

² *Гусейнов против Азербайджана* (CCPR/C/111/D/2042/2011), п. 6.6.

³ Там же.

положения пункта 3 статьи 2 Пакта в определенных обстоятельствах могут повлечь за собой продолжающееся обязательство расследовать нарушения, произошедшие до вступления Пакта в силу⁴. Комитету остается выяснить, имеются ли такие обстоятельства в настоящем деле. Для этого он считает необходимым установить, были ли предприняты либо должны были быть предприняты большинство ключевых этапов расследования до или после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника⁵.

10.6 Комитет отмечает утверждение автора о том, что ее сына якобы ударили по голове после его ареста в апреле 2004 года и что он подал жалобу на жестокое обращение лишь 24 мая 2004 года. Государство-участник оспаривает этот факт и утверждает, что ни г-н П., ни его адвокат не подавали такой жалобы в ходе уголовного разбирательства в национальных органах власти. Комитет отмечает также аргументы государства-участника об отсутствии официально зарегистрированных данных о жалобах в связи с событиями, произошедшими в 2004 и 2005 годах, и что в период с 2008 по 2013 год было проведено несколько расследований и судебно-медицинских экспертиз, которые в итоге были прекращены. Комитет отмечает далее, что независимо от того, была ли жалоба действительно подана в компетентные органы, они обязаны были принять меры *ex officio* в связи с видимыми травмами сына автора. Однако Комитет также отмечает, что все ключевые процессуальные меры должны были быть приняты вскоре после предполагаемого инцидента и, следовательно, за несколько лет до ратификации Факультативного протокола государством-участником. В связи с этим Комитет отмечает, что, хотя после 2009 года были приняты процессуальные меры, они были бесполезны с самого начала, поскольку все доказательства и соответствующая документация к тому времени были уничтожены, как отмечает сама автор в представленных ею материалах. Комитет в равной степени считает, что в отношении утверждений автора о ненадлежащих условиях содержания и медицинском уходе в изоляторе психиатрической клиники лишь первые посмертные судебно-медицинские экспертизы г-на П. в 2007 году смогли бы дать какие-либо достоверные результаты, но они пришли к выводу, что г-н П. умер от естественных причин. Комитет отмечает, что последующие судебно-медицинские экспертизы останков г-на П. не смогли дать никакой новой достоверной информации из-за длительного периода времени, истекшего с момента его смерти. На основе информации, содержащейся в деле, Комитет не может, с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела, сделать вывод о том, что предполагаемые нарушения повлекли за собой продолжающееся обязательство для государства-участника провести расследования после ратификации им Факультативного протокола. Поэтому Комитет считает, что эта часть сообщения является неприемлемой *ratione temporis* по статье 1 Факультативного протокола.

11. Соответственно, Комитет постановляет:

- a) признать настоящее сообщение неприемлемым по статье 1 Факультативного протокола;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора.

⁴ *К. К. и другие против Российской Федерации* (CCPR/C/127/D/2912/2016), п. 6.4.

⁵ Аналогичный подход см. в деле *Mocanu and others v. Romania*, постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека, 17 сентября 2014 года, п. 206.

Приложение

Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Арифа Балкана, Марсии В. Дж. Кран и Элен Тигруджи

1. Мы сожалеем, что не можем присоединиться к мнению большинства членов Комитета о неприемлемости данного сообщения, особенно в отношении жалобы автора по пункту 1 статьи 6, рассматриваемому отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, касательно ненадлежащих условий содержания и медицинского обслуживания ее сына в изоляторе психиатрической клиники, что в результате привело к его смерти 24 сентября 2007 года. Хотя применим общий принцип отсутствия обратной силы договоров, кодифицированный в статье 29 Венской конвенции о праве международных договоров, очевидно также, что это временное юрисдикционное ограничение имеет определенные установленные исключения. Мы не согласны с отказом большинства применить эти исключения к настоящим фактам, что чревато сужением обязательств государств в отношении расследования случаев жестокого обращения и смерти, особенно в отношении лиц, находящихся в уязвимом положении, например инвалидов.

2. Стандартная позиция, часто повторяемая в соображениях Комитета, когда это уместно и считается применимым, заключается в том, что Комитет лишен возможности *ratione temporis* рассматривать предполагаемые нарушения Пакта, произошедшие до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника («критическая дата»). Это ограничение не применяется, если нарушение продолжается после критической даты или продолжает порождать последствия, которые сами по себе являются нарушением Пакта, либо если подтверждается предыдущее нарушение после вступления в силу Факультативного протокола¹. В настоящем решении большинство считает, что и предполагаемое жестокое обращение, и содержание сына автора в изоляторе психиатрической клиники, где он в итоге умер в сентябре 2007 года, происходили до соответствующей даты (см. пункт 10.4, выше). Из этого они делают вывод, что жалоба является неприемлемой *ratione temporis*. В этом анализе отсутствует какое бы то ни было рассмотрение вопроса о применимости какого-либо из этих исключений, и особенно вопроса о том, было ли у государства-участника продолжающееся обязательство расследовать предполагаемое жестокое обращение и смерть сына автора, произошедшие, когда он находился в психиатрической клинике.

3. Большинство действительно сочло неприменимым устоявшееся исключение из принципа отсутствия обратной силы в отношении компетенции Комитета, основанное на продолжающемся, отъемлемом процессуальном обязательстве расследовать нарушения, произошедшие до вступления Пакта в силу. Принимая такое решение, большинство считает (пункт 10.6, выше), что все ключевые процессуальные меры «должны были быть приняты вскоре после предполагаемого инцидента» и уж несомненно «за годы до того», как государство-участник ратифицировало Факультативный протокол в сентябре 2009 года; если же процессуальные меры приняты после сентября 2009 года, они признаны большинством бесполезными и не приняты к рассмотрению. Анализ большинства не подтверждается фактами данного сообщения. Они действительно способны вынести лишь решение о неприемлемости, игнорируя представленные автором соответствующие факты, на которые государство-участник не дало ответа, но с учетом которых данное сообщение несомненно подпадает под юрисдикцию Комитета.

4. Что касается характера самого нарушения, далеко не очевидно то обстоятельство, что сын автора стал жертвой единичного, изолированного акта жестокого обращения. Помимо обстоятельств его первоначального ареста 25 апреля

¹ *Гусейнов против Азербайджана (CCPR/C/111/D/2042/2011)*, п. 6.6; *Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана (CCPR/C/112/D/1972/2010)*, п. 8.3.

2004 года, в результате которого его в тот же день госпитализировали в отделении скорой помощи больницы с диагнозом «травма головы, гематомы на лбу» (пункт 2.1, выше), с какого-то момента в 2005 году и вплоть до смерти его в обязательном порядке содержали в изоляторе психиатрической клиники при сомнительных обстоятельствах. Согласно жалобе автора, в период пребывания ее сына в изоляторе ему не были обеспечены безопасные условия. Еще до момента его смерти она безуспешно пыталась изменить эту ситуацию. После смерти ее сына автор просила предоставить ей доступ к истории его болезни и отчету о вскрытии, однако ее просьбы были отклонены, а данные ей предоставлены не были. Автор, тем не менее, продолжала настаивать на своем, и с момента смерти ее сына вплоть до 2013 года, т. е. в период начавшийся до и завершившийся после критической даты, было принято «множество» судебных решений о возобновлении и прекращении расследования точных обстоятельств смерти ее сына. Решение о расследовании было, таким образом, сорвано и в конечном итоге застопорилось более чем на пять лет, так что когда тело ее сына было в конце концов эксгумировано, любая надлежащая судебно-медицинская экспертиза была невозможна, учитывая период истекшего с тех пор времени.

5. Как отмечено выше, если предполагаемое нарушение произошло до критической даты, Комитет все же признает свою юрисдикцию, если после этой даты случится «подтверждение» предыдущего нарушения. В деле *Тян против Казахстана* автор был арестован, судим и осужден до вступления Пакта в силу для государства-участника; однако после этой даты в национальные суды им были поданы жалобы на пытки, которые были отклонены таким образом, что усугубили предыдущее нарушение. По этой причине Комитет пришел к выводу, что он обладает юрисдикцией рассматривать эти утверждения, даже если они касаются событий, произошедших до критической даты². Обоснованием такой позиции является то, что принятие административных или судебных решений после критической даты может привести к тому, что сообщение окажется под юрисдикцией этого органа, поскольку, когда задействованы эти процедуры, у национальных судов имеется возможность рассмотреть жалобы и тем самым «положить конец предполагаемым нарушениям и в принципе исправить положение»³. Неисполнение ими этих функций является тем, что усугубляет или «подтверждает» предыдущее нарушение⁴. Именно таковым было положение в данном деле, где автор неоднократно добивалась возмещения ущерба от имени своего сына. Однако своими решениями в период с 2009 по 2013 год национальные власти, включая суды, даже признав, что смерть должна быть расследована, так и не предприняли никаких действий и не предоставили автору никакого возмещения. Поскольку эти события произошли после критической даты, они равносильны подтверждению предыдущего нарушения, и поэтому Комитет не лишен возможности рассмотреть утверждения автора.

6. Альтернативное обоснование, которым можно подтвердить приемлемость, еще более очевидно. Право на жизнь, обеспечиваемое статьей 6 Пакта, истолковывается как включающее отдельный процессуальный элемент, а именно расследование любой гибели лиц, произошедшей при подозрительных обстоятельствах или неестественным образом⁵. В своем замечании общего порядка № 36 (2018) Комитет заявляет, что обязанность по расследованию должна предусматривать принятие независимых, оперативных, тщательных, эффективных, заслуживающих доверия и транспарентных мер «для установления истины в отношении событий, приведших к лишению жизни» (пункт 28). По мнению также Европейского суда по правам человека, процессуальное обязательство проводить расследования «превратилось в отдельную и самостоятельную обязанность», которую «можно рассматривать как отъемлемое обязательство, вытекающее из статьи 2, имеющее для государства юридически

² *Тян против Казахстана* (CCPR/C/119/D/2125/2011), п. 8.4. См. также *Свиридов против Казахстана* (CCPR/C/120/D/2158/2012), пункт 9.4.

³ *М. Л. Б. против Люксембурга* (E/C.12/66/D/20/2017), п. 7.2.

⁴ *Юсупова против Российской Федерации* (CCPR/C/114/D/2036/2011), п. 6.6.

⁵ См. *Джумабаева против Кыргызстана* (CCPR/C/102/D/1756/2008 и CCPR/C/102/D/1756/2008/Corr.1).

обязывающий характер, даже когда смерть произошла до критической даты»⁶. Это не налагает на государство-участника бессрочного обязательства, поскольку обязанность провести расследование применяется лишь в тех случаях, когда существует «реальная связь» между временем наступления смерти, о которой идет речь, и вступлением в силу обязательства, например когда этот период достаточно короткий⁷. Обязательство государства проявлять должную предусмотрительность тем более важно, когда жертва предполагаемого жестокого обращения и подозрительной смерти страдает от инвалидности, как в случае с сыном автора. Такие лица «имеют право на конкретные меры защиты» согласно статье 6 Пакта⁸.

7. Если оценивать факты данного сообщения с точки зрения этого стандарта, то они указывают на продолжающееся обязательство провести расследование, которое так и осталось невыполненным. Сын автора находился под опекой государства на момент его смерти в 2007 году. Еще до этого автор поднимала вопросы об условиях его содержания в изоляторе. В качестве официальной версии причин его смерти указаны естественные причины, однако просьбы автора о раскрытии истории его болезни и результатов вскрытия были отклонены без каких-либо объяснений. Национальными властями было признано, что что-то было сделано не так: спустя годы были приняты (но так и не исполнены) судебные решения об эксгумации и расследовании. Примечательно, что в своем замечании общего порядка № 36 (2018) Комитет устанавливает, что любое расследование случаев гибели людей должно быть, в частности, «оперативным» и «транспарентным», а любое вскрытие должно проводиться в присутствии представителя родственников жертвы (пункт 28) — требования, которые были полностью проигнорированы в данном деле. В свете этих фактов мы не согласны с рассуждениями большинства о том, что любые процессуальные меры следовало принять «за годы до» критической даты, а те, что были приняты после, были бесполезны с самого начала, поскольку это не согласуется с хронологией событий и тайной, сохраняемой в отношении официальной версии.

8. Кроме того, период времени между смертью г-на П. и вступлением в силу Факультативного протокола был весьма коротким — всего два года. За это время автор настойчиво пыталась добиться проведения расследования, но национальные власти ей постоянно в этом мешали. В июле 2009 года, всего за два месяца до критической даты, один из судов (Талгарский районный суд) постановил провести эксгумацию тела сына автора. Неисполнение или отказ от исполнения этого постановления суда полностью возлагается на национальные власти, и теперь вряд ли можно отмахнуться от этого как от обязательства, срок действия которого истек всего через два месяца. Автор настаивала на своем, и мы знаем, что после этого были приняты «многочисленные решения о возобновлении и о закрытии расследования точных обстоятельств» смерти (пункт 2.6, выше), которые возымели действие лишь в 2013 году. То, что эти шаги, возможно, были бесполезны с самого начала, объясняется отказом или неспособностью властей выполнить первоначальное постановление суда. Ссылка на это сейчас, как это делает большинство в целях отказа от юрисдикции, позволяет государству-участнику воспользоваться собственными неудачами. С учетом всех этих фактов становится очевидным, что государство-участник не выполнило своего обязательства провести расследование в данном деле. Поскольку это обязательство продолжалось (и было признано) после критической даты, мы считаем, что Комитет не лишен возможности *ratione temporis* и обладает юрисдикцией для рассмотрения этого сообщения.

9. Поэтому мы признаем данное сообщение приемлемым, а также делаем вывод о том, что права сына автора были нарушены по пункту 1 статьи 6 Пакта, согласно утверждениям. Смерть сына автора, когда он находился на попечении государства, в сочетании с жестоким обращением, которому он ранее подвергся, и необъяснимой тайной в отношении причины его смерти не соответствуют официальному

⁶ Дело *Šilih v. Slovenia*, решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека, 9 апреля 2009 года, п. 159. Статья 2 Европейской конвенции по правам человека посвящена праву на жизнь.

⁷ Дело *Mocanu and others v. Romania*, п. 206.

⁸ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 36 (2018), п. 24.

объяснению о естественных причинах. Однако из-за упорного замалчивания событий, которое происходило с 2007 года, правда останется сокрытой навсегда. Учитывая представленные факты и рассматривая их в свете судебной практики Комитета, а также при отсутствии соответствующих объяснений со стороны государства-участника, мы, таким образом, констатируем нарушение прав сына автора по пункту 1 статьи 6, рассматриваемому отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2.
